

К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого

А.А. Гусейнов

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Л.Н. ТОЛСТОГО интервью Предрага Чичовачки

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – академик РАН, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института философии РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: guseinov@iph.ras.ru

Предраг Чичовачки – профессор философии (Колледж Святого Креста). College of the Holy Cross, USA, 01610, Worcester, MA, 1 College Str.; e-mail: pcicovac@holycross.edu

Статья, посвященная философскому наследию Льва Николаевича Толстого, написана в форме ответов на вопросы, адресованных ее автору профессором Предрагом Чичовачки. В ней рассматриваются основные философские влияния, испытанные Толстым, и особый характер его отношения к мыслителям прошлого. Дается общая характеристика стиля мышления Толстого и его учения, системность которого задается нравственной программой индивидуально ответственного поведения человека на основе этики непротивления злу силой. Особо рассмотрено отношение Толстого к квиетизму и отличие от него его собственной программы нравственного совершенствования. Завершается работа обсуждением вопроса о месте Толстого в интеллектуальной традиции и актуальности его философии ненасилия в наши дни.

Ключевые слова: Толстой, философия, вера, религия, ненасилие, Руссо, Шопенгауэр, квиетизм

Предраг Чичовачки. Вы убеждены, что Толстой был не только выдающимся писателем, но также значительным мыслителем. Более того, считаете его мыслителем, укорененным в многовековой интеллектуальной традиции философов и религиозных пророков¹. Среди философских предшественников, оказавших на него наиболее сильное влияние, Толстой особо выделяет Руссо и Шопенгауэра. Как конкретно они повлияли на него? С Вашей точки зрения, было ли это влияние одинаково сильным, или кто-то из них сыграл более значимую роль в формировании его собственного мировоззрения?

Абдусалам Гусейнов. Когда мы говорим о философских источниках мировоззрения Льва Николаевича Толстого, испытанных им идейных воздействий, надо иметь в виду два обстоятельства.

¹ Понимается книга: *Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней* (М., 2009), в которой есть глава о Толстом.

Прежде всего, Толстой не был философом в традиционном европейском смысле данного занятия. Философия интересовала его в той только мере, в какой она являлась учением о жизни, отвечала на вопрос о том, что должен делать человек, чтобы прожить свою жизнь в согласии со своим разумом и совестью. При этом его волновала не всеобщая истина о том, как должна быть устроена жизнь, а вполне насущная задача, как жить ему самому. Он не удовлетворялся логической убедительностью и фактической достоверностью философских утверждений, одновременно и сверх того он примерял их на себя. Свою собственную жизнь Толстой возвысил до уровня эксперимента, удостоверяющего философскую истину. Речь идет не о том, что он стремился выстроить свою жизнь в соответствии со своими философскими убеждениями, наоборот: он искал такие убеждения, которые соответствовали бы жизни, не абстракции жизни, а самой жизни, как она явлена в его собственном индивидуальном опыте.

Второе, Толстой был исключительно своевольным мыслителем. Он до всего доходил сам. Он абсолютно доверял разуму. Но своему собственному разуму. У него был прочный иммунитет против общепризнанности как критерия истины. Он ничего не принимал на веру и мог противостоять мнению не то что большинства, а всего мира, если находил его ложным. Это обнаружилось, например, в его оценке Шекспира, которого, как он считал, нельзя признать даже самым посредственным сочинителем, или в его уничижительном отношении к Наполеону. Философские влияния, которые испытал Толстой, также мало зависели от места философа в общепринятом табеле о рангах. Так, например, он не очень высоко ценил Аристотеля и Гегеля. Можно сказать так: Толстой сам решал, кто из философов может оказывать на него влияние.

Руссо и Шопенгауэр, пожалуй, более других философов повлияли на Толстого, оказав на него и интеллектуальное, и эмоциональное воздействие. Они стали для него близкими людьми, с которыми он охотно проводил время. В 15 лет он вместо креста носил на шее медальон с изображением Руссо. Портрет Шопенгауэра многие годы висел в кабинете Толстого, привлекая внимание посетителей. Отношение Толстого к Руссо и Шопенгауэру, испытанные им влияния с их стороны – это большая тема, требующая специальной (отчасти осуществленной) работы по конкретному анализу наследия Толстого, включая его художественное творчество. Говоря об этом, вынужден ограничиться лишь самыми общими соображениями.

С Руссо Толстого сближало многое – идея индивидуальной свободы, эмоционального раскрепощения личности, критика наук и искусств в их развращающем влиянии на нравы, противопоставление естественного состояния порокам цивилизации, культ сельского труда и, конечно же, отказ от насилия в процессе воспитания. Важное значение имели ясность и искренность стиля Руссо. На Толстого оказали влияние не только отдельные идеи Руссо, но прежде всего сам дух его философии, нацеленной на нравственное совершенствование человека. И еще, думаю, для Толстого было важно отношение Руссо к своей философии, тот факт, что для него философия – не род умствования, а глубоко личное дело.

С творчеством Шопенгауэра Толстой познакомился в конце 60-х годов. С него по сути дела начался его постоянный интерес к философии. Возможно, он же дал толчок интересу Толстого к восточным религиям, в частности к буддизму. В Шопенгауэре, как и в Руссо, его привлекла общая этическая окрашенность и критическая направленность его учения. Его увлекла и сама

идеалистическая метафизика Шопенгауэра, предлагающая взгляд на мир как на живое целое, волю и представление, а отпадение от него в виде индивидуальной воли рассматривающая как деградацию. Ему оказалась особенно близка этика философа с ее констатацией жизни как неизбежного страдания и идеей сострадания в качестве адекватного ответа на бытийную ситуацию и позитивной программы деятельности. Толстой интерпретировал сострадание как форму любви и путь преодоления изолирующего людей друг от друга эгоизма животной личности. Отношение Толстого к Шопенгауэру менялось. После первых десяти лет увлеченности он подверг критике и резко дистанцировался от пессимизма Шопенгауэра, от его идеи о бессмысленности жизни. Толстой пришел к выводу, что утверждение об отсутствии в жизни разумного смысла логически некорректно, ибо оно само является заключением разума, и этически ложно, ибо если бы он всерьез относился к этому утверждению, то он перестал бы жить до того, как сделал его. Критика Шопенгауэра в этом пункте стала одним из важных моментов в процессе выработки Толстым своего собственного учения о непротивлении злу силой. Еще одним фактором охлаждения Толстого к Шопенгауэру стало его довольно позднее (1887 г.) знакомство с «Критикой практического разума» Канта, показавшее ему, что действительный Кант сильно отличается от его интерпретации Шопенгауэром. В целом же Шопенгауэр до конца жизни Толстого оставался его важным философским собеседником.

Что касается вопроса, кто больше повлиял на мысль Толстого, Руссо или Шопенгауэр, то не уверен в возможности получить на него ответ, как, впрочем, и в его корректности. Ведь, когда художник создает картину, разве имеет значение, откуда и какие краски он берет?! Не творчеством Руссо и Шопенгауэра определялось, что войдет в мировоззрение Толстого, а сам Толстой решал, что он возьмет из них и что, следовательно, станет уже не их, а его достоянием.

П.Ч. Кто еще из философов прошлого оказал значительное влияние на Толстого и в каком отношении? Сократ и Платон? Эпиктет и Марк Аврелий? Кант и Спенсер?

А.Г. Из этого ряда надо исключить Спенсера, который был совершенно чужд Толстому. Толстой считал увлечение Дарвином (Спенсер же с его попыткой переосмыслить всю культуру в духе идей Дарвина – наиболее яркий пример такого увлечения) формой эпидемического внушения. Все другие названные Вами философы входили в ту философскую сокровищницу, из которой Толстой черпал идеи обильно и охотно. Не только они, сюда же следовало бы добавить ряд других имен, например Дж. Рескина, Сенеку, Сковороду, Спинозу, Торо, Эмерсона.

Друг и секретарь Толстого Д.П. Маковицкий² рассказывает, что 16 августа 1910 г., за пару месяцев до ухода и кончины писателя, в его доме провели игру: присутствующим предлагалось на одном листке написать имена 12 великих людей, а на другом листке – имена самых любимых за исключением Христа и Толстого. У Толстого оказался один лист, ибо имена, по его мнению, великих людей и имена любимых им людей совпали, это были: Эпиктет, Марк Аврелий, Сократ, Платон, Будда, Конфуций, Лао-Тзе, Кришна, Франциск Ассизский, Кант, Шопенгауэр, Паскаль. Такое совпадение показательное: только своих любимых философов Толстой считал великими. Среди них для Толстого не было безусловной фигуры. Каждую мысль того или иного

² Маковицкий Д.П. У Толстого 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 4: 1909–1910 (июль–декабрь). М., 1979. С. 324.

философа он рассматривал не в общей логике и контексте соответствующей философской системы, а в свете своего, толстовского, учения. Задачу свою он видел не в том, чтобы всесторонне оценить изучаемого философа, отметить его слабые и сильные стороны, а в том, чтобы извлечь заключенную в его трудах жизненную мудрость. Для Толстого было характерно свободное обращение с понравившимися ему текстами, популяризируя их, он вполне мог сократить что-то, иначе переформулировать, словом, подходил к ним не как к авторской собственности, а как к общему достоянию. Всех философов и духовных учителей он рассматривал как мудрых людей, писавших одну и ту же книгу. Вполне логично, что все они вместе с самим Толстым стали авторами одной и той же книги, которую он составлял в последние годы своей жизни. Речь идет о книге для чтения в различных вариантах, составивших пять томов (тт. 41–45) его Полного 90-томного собрания сочинений: «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903); «Круг чтения» (1904) «На каждый день» (1909); «Путь жизни» (1910).

П.Ч. *Одним из основных занятий Толстого в последние несколько десятилетий его жизни была выработка этического взгляда, который мог бы служить руководством для его собственной жизни, некоторой опорой жизни. При рассмотрении этики Толстого первое, что приходит в голову, – это его переосмысление слов и послания Иисуса. Почему Иисус был такой значимой фигурой для Толстого? В чем заключался основной урок Иисуса для Толстого? Был ли Иисус, который вдохновлял Толстого, историческим Иисусом? Иисусом четырех Евангелий? Иисусом, созданным самим Толстым?*

А.Г. Иногда считают, что ответ тогда является прямым, когда он не длиннее вопроса. Попробую последовать этому правилу.

Почему Иисус? Потому что он полнее, чем кто-либо, выразил идею любви как основы жизни.

Что самое важное у Иисуса? Непротивление злу силой.

Шла ли речь об Иисусе историческом (реальном), Иисусе четырех Евангелий или Иисусе самого Толстого? Все они суть одно и то же, собственный Иисус Толстого был одновременно Иисусом историческим и Иисусом четырех Евангелий.

Теперь чуть подробнее.

Среди тех, кто оказал влияние на Толстого, Иисус из Назарета действительно занимает исключительное место. Толстой избрал Иисуса в качестве учителя и называл себя его последователем – христианином. Выше я говорил, что среди философов для Толстого не было безусловной фигуры. Иисус Христос был для него безусловным авторитетом. При этом он не считал Иисуса Богом, отвергал какие-либо формы его обожествления. Более того, Толстой полагал, что для того, кто действительно верит в Бога, Иисус Христос – не Бог. Это был реальный человек, духовный реформатор, выступивший со своим учением.

Путь Толстого к Иисусу был извилистым и трудным. Родившийся в православной среде, он впитывал христианство, что называется, с молоком матери. Однако уже в 16 лет он перестал ходить в церковь и пустился в плавание по волнам жизненного успеха. Плавание это, с одной стороны, оказалось очень удачным в том, что касается мирской славы, богатства, здоровья, семейного благополучия, а с другой стороны, обернулось душевной катастрофой и подвело Толстого к грани самоубийства. Желая выйти из случившегося накануне 50-летия духовного кризиса, Толстой решил вернуться в лоно официальной религии и в течение года вел жизнь самого правоверного христианина, тща-

тельно соблюдая все церковные предписания. Но это ничуть не облегчило его состояния и не вернуло утраченного смысла жизни. Тогда Толстой решил сам искать ответ на вопрос о смысле жизни, обратившись с этой целью ко всем источникам человеческой мудрости: к основателям религий, к великим философам и моралистам, а также к мироощущению простых трудящихся людей, которые свободны от вставших на его пути терзаний. Он черпал из всех источников. И всюду, у всех мудрых людей от Конфуция и Будды до крестьянина Тверской губернии Сютяева Василия Кирилловича, он находил одну и ту же мысль, что смысл жизни – в любви. Полней и последовательней всего идея любви получила развитие в учении Иисуса Христа, в его Нагорной проповеди.

Так Толстой заново открыл для себя ясный и спасительный смысл Нагорной проповеди, установив, что христианские церкви извратили ее, лишили животворного начала и подменили символом веры. Он, оживив свой древнегреческий язык, подверг тщательному анализу жизнь и дела Христа и проделал гигантскую работу по сведению всех четырех Евангелий в одно, его переводу на понятный простым людям язык и комментированию. В результате он пришел не к новому пониманию и толкованию жизнеучения Христа, а к неожиданному выводу о том, что именно попытки его толкования в различных богословских традициях обернулись ложью и сознательным обманом. На самом деле учение Христа нуждается не в каком-то глубокомысленном ученом толковании, а в уяснении, принятии его простого буквального смысла.

Другой важный его вывод состоял в том, что средоточием и фокусом учения Христа было утверждение, которое более всех других подверглось искажению, – заповедь непротивления злу. Не аллегорическое, не усложненное, предполагающее и требующее дополнительных уточнений и разъяснений, а прямое и буквальное понимание заповеди непротивления злу, дополненное требованием прощать врагов своих, понимание, которое означает полный отказ от насилия во всех его формах и проявлениях, именно такое понимание выражает сокровенное содержание учения Христа, то новое, что он привнес в понимание жизни по сравнению с законом Моисея. Так Толстой в качестве смиренного ученика Иисуса Христа обрел потерянный смысл жизни, и он посвятил свои оставшиеся 30 с лишним лет тому, чтобы практиковать обретенную истину, осмысливать ее и рассказывать о ней.

Отказ от насилия, непротивление злу есть пробный камень христианской любви, ее самое чистое и честное выражение. Внутренняя стройность учения Толстого, его нравственная безупречность и логическая доказательность основаны на том, что насилие прямо противоположно любви. Насилие заключается в том, что одни люди силой, угрозами, физическим принуждением заставляют других жить по своей воле. В его основе стремление подчинить окружающих, мир своим интересам, оно является крайней формой эгоистического самоутверждения. Формула насилия: как я хочу, а не как ты хочешь. Любовь представляет собой движение в противоположном, чем насилие, направлении: она есть служение другим людям. Формула любви: не как я хочу, а как ты хочешь. Ее выразил Иисус, когда в ночь перед казнью, преодолевая охватившие его сомнения, заключил, обращаясь к Богу: не моя, а твоя воля пусть будет. Любить – значит следовать воле Бога.

Проблема, однако, в том, чтобы знать эту волю. Вот ее-то, согласно Толстому, знать невозможно. Бог есть предел нашего знания. Человек в рамках рационального познания мира может прийти и неизбежно приходит к заключению о его бесконечной основе, именуемой Богом, но он, оставаясь на почве

ответственных суждений, не может ничего сказать о том, что эта основа собой представляет. Поэтому в формуле любви: не как я хочу, а как Бог хочет – доступной человеку, реальной, действенной является только первая часть: не как я хочу. Следовать ей и значит отказаться от насилия. Отказываясь от закона насилия, мы следуем закону любви – таков краеугольный камень всей интеллектуально-духовной конструкции Толстого.

Толстой был движим пафосом истины. Он ни в коем случае не мог бы согласиться с тем, что его суждения имеют статус мнения, являются одной из точек зрения. Когда Толстой решил дойти до понимания смысла жизни, у него на кону стояла его собственная жизнь. Речь шла не о любознательности, не о новых интеллектуальных увлечениях, смене рода занятий и т. п., речь шла о самой его жизни, о том, продолжить ли ему жить дальше или покончить с собой. И он ни в коей мере не мог удовлетвориться точкой зрения. Нет, ему была нужна истина, одна-единственная. Поэтому для него Иисус реальный, Иисус Евангелий и его собственный Иисус – это одно и то же лицо. А вот Иисус богословия, Иисус, объявленный Богом, Иисус, разрешающий в определенных случаях размахивать мечом, санкционирующий государственное насилие, Иисус, воскресший после казни и ожидаемый во втором пришествии, – это уже не просто мнение, гипотеза, точка зрения, а прямая настоящая ложь и обман.

П.Ч. Толстой рассматривал веру намного серьезней, чем религию, если под верой понимать не некое доктринальное учение, а скорее «сознание человеком такого своего положения в мире, которое обязывает его к определенным поступкам»³. Как Вы сами пишете об этом, «вера в понимании Толстого – странная вера»⁴. Это не то, что может быть институционализировано, и не то, что имеет мистическую природу. Вера Толстого не может быть доказана научными методами, и она не имеет отношения к нашему технологизированному миру. Чем же тогда является вера? Почему ей следует отводить центральное место в нашей жизни?

А.Г. Не могу согласиться с утверждением, будто Толстой рассматривал веру как нечто более серьезное, чем религию. Для него и то, и другое – в высшей степени серьезные вещи, и они неразрывно связаны между собой. По Толстому, религия – фундаментальная, базовая характеристика человеческого существования. Она выражает отношение человека к бесконечной основе жизни, которое может быть различным, как истинным, так и ложным, но вне которого человек не может жить разумной, сознательной жизнью. Религиозное отношение к окружающей человека бесконечной жизни является истинным тогда, когда оно устанавливается в соответствии и на основе разума и знаний. И оно является ложным, когда противоречит разуму и знаниям, как это происходит в религиях откровения. Религия, говорит Толстой, отвечает на вопрос о смысле жизни, если адекватно понимать сам вопрос. Когда человек задается вопросом о смысле жизни, он на самом деле интересуется тем, существует ли в нашей жизни какой-то смысл помимо самой жизни, за ее пределами. Существует ли в ней какой-то смысл, который не исчезает вместе с самой брэнной жизнью? Отвечая на него, человек вступает в область религии, он вступает в эту область даже тогда, когда является атеистом, ибо в этом случае сам атеизм выступает родом религии. Будучи существом разумным, человек не может не думать о последствиях своих действий, в том

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 15. М., 1955. С. 300.

⁴ Гусейнов А.А. Разумная вера Л.Н. Толстого // Гусейнов А.А. Философия – мысль и поступок. СПб., 2012. С. 553.

числе о самых отдаленных, не может не формировать отношения к миру в целом, задумываясь над тем, является ли этот доступный нашему познанию мир последней реальностью или за ней есть еще другая, недоступная нашему разуму бесконечная реальность. Подобно тому, как в качестве физического существа человек вступает в отношения обмена веществ с окружающим его эмпирическим (видимым, слышимым и т. д.) миром, точно так же в качестве разумного, духовного существа он вступает в религиозное отношение с миром в целом. Вера по сути дела есть та же религия с той лишь разницей, что религия – это развернутое вовне отношение к миру в его бесконечности, а вера – внутренняя заданность этого отношения, его переживание в себе.

Чтобы понять, что такое религия на самом деле как форма знания и ответственная жизненная позиция, считает Толстой, необходимо отказаться от культивируемых церковью ложных религиозных представлений и практик. Точно так же, чтобы понять, что такое вера как реальный важный и неотъемлемый элемент человеческого бытия, необходимо отказаться от идущих от апостола Павла (Евр.2:1) извращенных представлений о вере как осуществлении ожидаемого и уверенности в невидимом. Толстой решительно отвергает веру в ее расхожем смысле как доверие, апелляцию к чудесам, сверхъестественным силам, как нечто противоразумное.

Толстой по сути заново открыл веру как необходимую основу сознательного человеческого существования. Он определяет веру как сознание смысла жизни, как силу жизни, как то, благодаря чему человек живет. Это – не то, что обретается в результате специальных усилий, обучения и т. п., а то, что присуще человеку, дано ему вместе с сознанием. Если человек живет, говорил Толстой, то он во что-нибудь да верит. Если церковная вера снимает с человека ответственность за то, что он делает, то действительная вера, вера в том виде, в каком она дана каждому человеку и практикуется им, делает возможной его жизнь как собственное дело.

В толстовском учении о вере следует особо подчеркнуть два момента. Первый состоит в том, что вера совпадает с тем, что делает человек. Она развернута в его поступках, представляет собой некую нить, на которую низаны его поступки. Поэтому, между прочим, следует отличать саму веру, впечатанную в фактическую жизнедеятельность человека, от представлений о вере и сами эти представления рассматривать в контексте жизнедеятельности. Вера без дел мертва. Основной аргумент Толстого как истинного христианина против церковного христианства состоял в том, что оно подменило Нагорную проповедь символом веры. Второй момент следующий: вера не может противоречить разуму. Вера – это тоже знание, но знание особого рода, такое знание, к которому подводит человека разум, осознавший свой предел. Можно сформулировать такое парадоксальное утверждение: вера в понимании Толстого состоит в том, чтобы ничего не брать на веру. Прекрасным примером сочетания веры с разумом является толстовское учение непротivления злу силой, которое, будучи результатом основательной исследовательской работы, было в то же время верой самого Толстого, глубоким личным убеждением.

У Толстого среди различных определений веры есть еще такое: оценка всех явлений жизни. В нем заключен ответ на Ваши вопросы: “What good is faith, then? Why should faith be the central preoccupation of our lives?”. Вера может быть понята как общая аксиологическая основа жизнедеятельности человека. Это – изначально заданная система нравственных координат, по которым выстраиваются человеческие дела, вся его жизнь. Вера, говоря

кратко, есть осмысленность жизни, это своего рода компас плавающего в море, фонарь в руках идущего в ночи. Я думаю, верно будет выражена и мысль Толстого, и сущность самого предмета, если сказать: вера есть то, чем живет человек.

П.Ч. Хотя Толстой считал себя верным последователем Иисуса, он был хорошо знаком также с другими религиями и духовными традициями. Он очень высоко ценил буддизм и даосизм. Была ли его религиозная мысль синтезом различных религиозных традиций или она включает в себе нечто новое и уникальное, присущее именно Толстому?

А.Г. Толстой считал себя последователем Иисуса. И он же хорошо знал и высоко ценил буддизм, даосизм, не только их, он также изучал и ценил конфуцианство, брахманизм, иудаизм, ислам. Одно не противоречило другому: во всех мировых религиях он ценил их общую этическую основу, которая является этикой любви и может быть выражена общечеловеческой истиной не делать другим того, чего человек не хотел бы, чтобы было сделано ему. Учение Иисуса Христа говорит о том же самом, только более полно, ясно и последовательно.

Религиозно-нравственное учение Толстого является универсальным и предназначенным для любого человека как живого разумного существа, в нем нет культовых, национальных, сословных, исторических, каких-либо иных ограничений, которые делали бы его неприемлемым для представителей какой-либо религии. Тем не менее его нельзя считать неким вариантом религиозного синкретизма. Толстого не интересуют различия между религиозно-культурными традициями и возможность их соединения в некоем синтезе. Его интересует заключенная в них первичная правда человеческой жизни, то общее семя, из которого выросли различные деревья мировых и национальных религий. Толстой занимался различными религиями не для того, чтобы узнать, что они собой представляют, и попытаться сопоставить их между собой, а для того, чтобы найти в них то, что он ищет, найти в них ответ на ставший для него насущным вопрос о смысле жизни. Его открытие и радостное удивление состояли в том, что они все без исключения отвечают на этот вопрос одинаково. Везде, как я уже говорил выше, он нашел идею любви и ненасилия как ее адекватного выражения, что и стало его Евангелием.

П.Ч. Толстой был жестким критиком церкви и государства как институтов. Интересно отметить, что мы живем в такое время, когда эти институты и, быть может, институты в целом (включая банки и медиа) потеряли свой кредит доверия и вообще какой-то осмысленный авторитет. Можно ли критику Толстого распространить на наше время или в нашем случае речь идет об институциональном кризисе иного рода?

А.Г. Царство божие внутри вас – эти слова Иисуса Толстой взял в качестве названия своего произведения, в котором он исследует, почему ни государство, ни церковь, вообще никакие внешние силы не могут устроить, верно направить принципиально хрупкую, полную страданий и случайностей человеческую жизнь. Одна-единственная вещь, которая дана человеку и находится полностью в его власти, – это разумное сознание, способность познать истину и руководствоваться ею. Истина ненасилия реализуется в режиме индивидуально ответственного поведения, нет никакого иного способа преодоления насилия, кроме отказа совершать его, и ничто не может помешать человеку, осознавшему эту истину, следовать ей, если он решил сделать это. Вместе с тем ненасилие, будучи сугубо внутренним индивидуальным

решением и действием, является одновременно формой единения с другими людьми, с духовным универсумом. Это, если можно так выразиться, неэгоистическое самоутверждение индивида, самоотрицающий эгоизм, эгоизм наоборот. Именно исходя из убеждения, что царство Божие внутри человека, Толстой критикует церковь и государство, справедливо считая, что они посягают на нравственную автономию человека, осуществляют принудительную власть над людьми. Так, церковь, по его мнению, держится на трех положениях: признается существование особых людей, являющихся посредниками между человеком и Богом; признаются чудеса, призванные поддержать роль этих посредников; признаются определенные утверждения, якобы выражающие волю Бога и считающиеся святыми. Что касается государства, то оно все держится на лжи, будто насилие можно преодолеть насилием, и представляет собой организованную репрессивную машину во внутренней политике и орудие ведения войны во внешней политике.

Толстовская критика церкви и государства вполне сохраняет силу, даже становится более насущной. Это относится также и к другим институтам, поскольку они также каждый на свой манер осуществляют управление и манипулирование людьми. Позицию Толстого в этом вопросе можно обозначить как этический анархизм. Он исходит из убеждения, что социальное бытие человека и его нравственное бытие – это разные вещи. Социальная жизнь как форма организация больших масс людей протекает, если воспользоваться термином известного социолога и писателя Александра Зиновьева, по законам «экзистенциального эгоизма», она имеет своим содержанием внешнее благополучие, выгоды и интересы, в ней неизбежно одни люди управляют другими. Вектор нравственной жизни является противоположным: непотворение злу, голос совести, любовь, братство. Поэтому человек, желающий жить нравственной жизнью, не может не вступать в конфликт с социальными институтами, не стремиться выйти за их формы. Толстовское отношение к государству можно сравнить с его отношением к похотям тела: и то, и другое заслуживает нравственной критики. Нравственный закон не является продолжением ни природного процесса, ни социального процесса, он автономен по отношению к ним и задает другой уровень человеческого бытия.

П.Ч. Из всего Нового Завета, по-видимому, самым важным местом для Толстого была Нагорная проповедь из Евангелия от Матфея. Иисус там проповедует ненасилие и непотворение злу (средствами насилия). Хотя более миллиарда людей в мире считают себя христианами, очень немногие признают учение Иисуса о ненасилии и непотворении злу. Почему Толстой является неистовым сторонником этого учения и почему мы должны следовать ему в этом отношении?

А.Г. Толстой действительно был неистовым (vehement) в отстаивании идеи ненасилия, положив на это все свои интеллектуальные, душевные и физические силы, всю свою жизнь. Почему? Да просто потому, что верил в это. Потому что это – истина. Потому что это вывело его из глубочайшего душевного кризиса. Для меня лично наряду со всеми аргументами и тщательными исследованиями, которые провел Толстой в обоснование истины непотворения, важным дополнительным аргументом является как раз настойчивость и неистовость, с которой он это делал. Думаю, мало было в мире людей, которые жили такой напряженной духовной и интеллектуальной жизнью, как Толстой, и для которых их умственные занятия имели бы такой непосредственный личный смысл, как для него.

А то, что более миллиарда людей считают себя христианами и тем не менее не принимают столь ясно и недвусмысленно высказанной в Нагорной проповеди идеи непротivления злу, то об этом можно сожалеть, но это нельзя считать аргументом против Толстого и его учения. Ведь этот же миллиард людей в отличие от Толстого считают Иисуса Богом, верят, что он вознесся на небо и ожидают его второго пришествия. И кого же в этом случае мы признаем правым – Толстого или этот миллиард?

Толстой говорил об истинах трех родов. Одни уже стали привычкой, это уже не совсем истины. Другие имеют смутный вид, они еще не истинны. Третьи как истины вполне ясны, признаны, но не вошли в быт, привычку, повседневность: они образуют пространство свободы. Именно к этому третьему типу относится истина ненасилия, непротivления. Ее истинность всем очевидна, признается даже теми, которые считают допустимым в каких-то случаях отступать от нее, но далеко еще не стала твердым жизненным устоем, привычной формой поведения. Толстой внимательно изучал вопрос, почему так тяжело дается человечеству овладение этой истиной, анализировал, какую огромную роль в этом играет историческая инерция, позиция церкви, интересы господствующих классов, рассматривал основные возражения, обычно выдвигаемые против ненасилия, и т. д. В подходе к данному вопросу он был в высшей степени трезв и реалистичен. И в то же время он был совершенно убежден в том, что истина ненасилия пробьет себе дорогу. Во всяком случае, несомненно: его усилия и труды внесли в это огромный вклад и стали примером, вдохновившим Махатму Ганди, Мартина Лютера Кинга, Альберта Швейцера, многих других людей. Толстой кардинально не изменил положения вещей в мире, но он создал новую, более благоприятную ситуацию по отношению к ненасилию как основе человеческого общежития.

П.Ч. Наше привычное отношение к вере и религии заключается в том, что они находятся в резкой оппозиции к разуму и рациональности. Толстой с этим определенно не согласился бы. Но что может быть рационального в вере? Что в таком случае представляет собой рациональность по Толстому и есть ли в его понимании связи веры и рациональности нечто такое, чему мы могли бы у него поучиться?

А.Г. О вере, как ее понимал Толстой, и почему, с его точки зрения, она может быть только разумной, я уже говорил выше. Сейчас только добавлю один важный момент.

В понимании рационализма Толстой придерживался принятых общенаучных представлений. Все, что мы знаем, мы знаем только благодаря разуму, который в своих суждениях руководствуется фактами и логикой. И если есть что-то, что недоступно разуму, то оно является таковым только потому, что удостоверяется самим разумом. Никаких обходных путей познания не существует.

Познающий разум обнаруживает свою ограниченность в том, что касается мира в целом, его бесконечной основы. Это – предел разума, предел нашего знания, который конечно, может постоянно отодвигаться, но никогда не может быть перейден, он называется Богом. О Боге как пределе нашего знания мы можем сказать, что он есть, существует, но мы не можем сказать ничего определенного и содержательного, вообще ничего о нем самом, о том, что он собой представляет, ибо он и есть то, о чем мы ничего не можем знать. Хотя о Боге мы ничего знать не можем, тем не менее жить мы должны со знанием того, что он существует. Человек, будучи существом разумным, руководствуясь разумным сознанием, не может действовать и жить, не формируя

своего отношения к миру в целом, к его последнему основанию. Поэтому он думает не только о том, что и как ему делать, чтобы жить, но и о смысле самой жизни. Пчела, собирающая мед на зиму, рассуждает Толстой, не сомневается в том, хорошо ли она поступает или нет. Она совпадает со своей жизнедеятельностью. Человек же, заботящийся о пропитании, думает о разных вещах, выходящих за рамки того, что он делает, например о том, не наносит ли он слишком большого вреда другим, не отнимает ли пищу у других, что будет с его детьми, о пропитании которых он заботится, с окружающей средой и т. д. Человек не просто живет, он еще вырабатывает свое отношение к жизни, оценивает ее. Он не может действовать и жить, не зная, для чего он живет, не помещая свои действия и себя в определенный смысловой контекст, который задается его верой, его общей нравственной ориентацией. Следует различать вопрос о рациональной организации жизни, ее материальной благоустроенности, и вопрос о смысле жизни, ее нравственной основе. В первом случае речь идет о научном разуме, ответственном за наши знания, умения, технические возможности, во втором случае – о вере, ответственной за смысл жизни, ее общую нравственную основу.

Речь идет о двух аспектах разума, научно-технологическом и нравственном. Толстой ясно обозначил эти различия и предельно остро поставил вопрос об их соотношении. Европейский разум, считал он, развивался односторонне с упором на самоценное значение познания и на расширение материальных возможностей человека и общества, увлекся самыми разнообразными вопросами, оставив в тени то, что у всех народов до этого считалось самым важным, – учение о жизни. Именно эта деформация стала фокусом критики Толстого, и он, признавая абсолютность разума как единственного источника знания, стремился направить его в нравственное русло, которое задается самим же разумом. Адекватная постановка вопроса, что делать разуму, предполагает ответ на вопрос, для чего это делать. Толстой не ограничился абстрактной постановкой вопроса, он одновременно развил свое понимание веры, которое он считал истинным и которое должно стать целью разумных человеческих усилий.

Говоря сегодня о наследии Толстого в этом вопросе и его актуальности для современной философии, следует отметить, по крайней мере, два важных, не имеющих ясного ответа и по существу даже остающихся за пределами философских дискуссий вопроса. Первый касается соотношения нравственности и познания, а именно: может ли человек мыслить без того, чтобы его мысль не была скована аксиологическим обручем и не задавала определенного направления жизни, можно ли считать человеческую жизнь разумно организованной, если она не зиждется на правильном понимании того, для чего человек живет, для чего он пришел в этот мир и существует в нем? Второй вопрос: если понимание того, для чего жить, является необходимым и ограничивающим условием разумной организации жизни, то насколько целенаправленно философия занимается этим вопросом и как она отвечает на него?

П.Ч. XVII и XVIII века были эпохой, в которой были представлены многочисленные утопии. Там даже предпринимались попытки воплотить некоторые из них в жизнь с более или менее трагическим исходом.

Толстой не предлагал новой утопии, но всерьез воспринимал библейскую идею о Царстве Божием. Возможно, самым важным нехудожественным произведением Толстого было сочинение объемом около 350 страниц «Царство Божие внутри вас». Прежде всего, нет ли противоречия в самом на-

звании: царство – это ведь политическая категория, имеющая пространственные и временные границы своей реализации, в то время как Толстой приглашает нас подумать о внутреннем царстве (психологическом и духовном). Не предлагает ли здесь Толстой некий род квиетизма? Или пассивное принятие судьбы и сил зла, которые могут доминировать в нашей жизни? Что может быть привлекательного в такой апеллирующей к душе версии Царствия Божьего перед лицом неуничтожимого зла, распространяющегося в мире, словно смертельная болезнь?

А.Г. Не было ли учение Толстого утопией или разновидностью квиетизма? Оно не является утопией. Утопии, начиная с Атлантиды, включая также утопии Нового времени, – образы общества. Учение же Толстого имеет своим предметом индивидуальную жизнь человека, оно отвечает не на вопрос, каким бы было общество, организованное в его наиболее желательном виде, а на вопрос о том, что делать, как строить жизнь отдельному человеку. Далее, утопии, что запечатлено и в названии, – это несуществующие, несбыточные представления. Толстой же предлагает решения, которые находятся во власти человека, в пределах его ответственных решений. Он апеллирует к реальным жизненным опытам и свою собственную жизнь выстраивает в соответствии с учением. Сама столь понравившаяся Толстому формула Иисуса: «царство Божие внутри вас», взятая им в качестве названия своего труда, говорит о том, что человеку не надо ждать Божьего царства (осуществления своих чаяний) в будущем и искать его где-то в небесах, оно уже здесь, в нем самом, в его душе, в его разумном сознании. Толстой предлагает программу нравственного совершенствования, новое понимание смысла жизни, но не утопию. Он настойчиво подчеркивает, что истина непротивления злу – это та новая высота нравственного роста, к которой человечество шло почти два тысячелетия и которую оно должно взять, но взять усилиями каждого человека, осознавшего эту истину. Человек всегда исходит в своей жизнедеятельности из того или иного понимания смысла жизни, из тех или иных идеальных представлений о жизни. Толстой предлагает лишь другое понимание смысла жизни, другой идеал; речь, следовательно, идет не о том, чтобы человек, лишенный идеала, обрел его, а о том, чтобы он отказался от ложного идеала.

Насущный для нас сегодня вопрос состоит в следующем: можно ли идеал ненасилия, обретающий реальность не в институтах и принципах управления, а в индивидуальных человеческих опытах, считать общественным идеалом нашей эпохи? Я бы ответил на это так: другой перспективы развития человечества, даже не развития, а жизнеспособности человечества, я не вижу.

Современные общества не имеют будущего, социального будущего как другого, справедливо устроенного состояния, которое было бы свободно от всего того, что вызывает сегодня у людей моральное возмущение. Это так по факту: бытующие в обществе низовые представления и официально прокламируемые стратегии исходят из того, что будущее – это пролонгация настоящего, только в улучшенном, подчищенном виде. Социальная наука санкционирует такой взгляд, склоняясь к мысли, что общества, которые были бы идеальны в моральном смысле, т. е. исключали бы управление людей людьми и характеризовались братскими отношениями между ними, не может существовать в принципе. Отсюда следует: если вообще идея морального совершенствования сохраняет свое значение, то ее пространством является не социум и его внешняя организация, а сам разумный индивид и его внутренняя духовная жизнь.

Здесь мы подходим ко второй части Вашего вопроса о квиетизме Толстого. Квиетизм как религиозно-философская доктрина не привлек внимания Толстого. Он несколько раз в письмах Н.Н. Страхову упоминает имена мадам Гюйон, отметив, что он не разделяет идею удаления из мира в качестве цели (письмо от декабря 1885), и Фенелона, подчеркнув, что тот ему ничего не дал (письмо от 6 июля 1891). В яснополянской библиотеке есть почти неразрезанное трехтомное собрание сочинений Фенелона. Толстой в свое собрание мудрых мыслей включил также три изречения Фенелона о раскрепощающей роли внутренней работы человека над собой. Такова фактическая сторона, свидетельствующая о том, что квиетизм находился на далекой периферии толстовских занятий и размышлений. По существу взгляды Толстого также не могут быть квалифицированы как квиетизм, хотя такого рода упреки ему делались (в том числе со стороны марксистской критики). Он говорит не об уходе из мира для соединения с Богом, а об изменении самого способа существования в мире. Вы находите внутренне противоречивым утверждение «царство божие внутри вас», поскольку царство как социально-политическая категория существует в пространстве и времени, а то, что внутри нас (душа), – вне времени и пространства. Толстой действительно смысл жизни видел в том, чтобы человек заботился о своей душе, а не о теле, так как телами люди отделяются друг от друга, а душами соединяются. Но он также ясно понимал: душа не существует вне тела и без тела, которое, разумеется, имеет свои пространственные и временные координаты. И забота о душе, построение царства божьего внутри себя состоит в том, чтобы тело стало орудием души, а не наоборот. Да и необычайно деятельный образ жизни Толстого после обретения им своей веры, бескомпромиссная борьба, которую он вел с институтами и глашатаями насилия, перестройка им всего характера собственных занятий с включением в них физического труда, титанические усилия по изучению и разъяснению идей ненасиления, сам облик его, напоминающий скорее библейского Самсона, разрывающего пасть льва, чем ушедшего в самого себя индийского йога, – все это никак не вяжется с квиетизмом.

Совсем невозможно согласиться с предположением, будто, призывая думать о душе, Толстой фактически признавал господство зла в мире и отдавал мир в руки дьявола. Нет-нет, мир, по Толстому, принадлежит Богу, и в нем заключен благой смысл. Толстой скорее придерживался мысли, что зла нет, чем того, что оно всеильно. Для того, кто понимает жизнь в ее истинном содержании, считал Толстой, зла нет. И когда он связывал зло с состоянием души, то он имел в виду, что от него можно освободиться. Сама идея непротивления злу означала именно отказ от зла – отказ от того, чтобы пытаться злом победить зло. Чуждый всякой мистики, Толстой меньше всего был склонен мистифицировать зло.

П.Ч. Многократно признано, что одним из важнейших достижений западной культуры, которое к тому же связано с уникальной личностью Иисуса Христа, является развитие индивидуализма. Толстой хорошо знал такой взгляд, но его учение, как кажется, противостоит индивидуализму. Несмотря на то, что сам Толстой был уникальной индивидуальностью, он был сосредоточен на том, что является ценным для человека в общем, универсальном смысле, независимо от наших индивидуальных различий. Что Вы думаете об этом аспекте взглядов Толстого и не здесь ли кроется одна из причин, в силу которой он часто игнорируется как мыслитель?

А.Г. Индивидуализм – категория социологическая или, по крайней мере, этико-социологическая. Что бы ни понимали под индивидуализмом, речь идет о том, как благо одного (данного, конкретного) человека соотносится с благом других людей, всего общества. Толстой рассматривает другой вопрос, в чем заключается само благо человека. Не как себя вести с другими, выстраивать свои отношения с ними, а как правильно себя вести мне самому, в чем заключается истинный смысл жизни, достойный человеческого предназначения, – вот что самым живым образом интересуется и волнует Толстого. При таком подходе на первый план выходит не социология и психология отношений индивидов между собой, не их диспозиции в рамках общества, а этико-философская проблема отношения человека к самому себе, более конкретно, отношения души, разумного сознания человека и его тела, физических и социальных потребностей. Тело, необходимость удовлетворения его потребностей, обеспечения его безопасности, удобств, комфорта, выделяет индивида в качестве частного лица со своим местом и временем, естественными связями и т. д., требует от него самоутверждения в мире, чувств и мыслей, которые ведут к такому самоутверждению. Душа, разумное сознание человека соединяют его с жизнью в целом, бессмертным началом в мире. Телами, своим материальными интересами люди разделены между собой. Душами они соединены, ибо она одна и та же во всех. Смысложизненная проблема, которая стоит перед человеком и которую он решает своей жизнедеятельностью, состоит в альтернативе, подчинить ли свою жизнь эгоистическому (индивидуалистическому) самоутверждению в мире, благу своего бренного тела или думать о бессмертной душе и не становиться на путь зла, насилия, ради своей животной личности.

Такую позицию Толстого если и можно назвать антииндивидуалистической, то следует иметь в виду, что она выступает, реализует себя как выбор самого индивида, его персональное решение и действие. Кстати, одно из изречений Фенелона, взятое Толстым, звучит так: «Только самоотречение дает нам истинную свободу».

Отдельный и совсем особый вопрос – вопрос об индивидуальности как одном из важнейших определений человека. Об индивидуальности – не как уникальности, единичности, означающих отличие одного человека от других и его особое положение среди людей. Об индивидуальности как единственности. Давайте спросим себя, откуда берется такая индивидуальность, единственность? Есть ли вообще в мире что-либо, обладающее индивидуальностью, кроме самого мира, а если говорить об истории, человечестве, то есть ли здесь что-либо единственное, индивидуальное, кроме самой истории и самого человечества? Не является ли, наконец, понятие Бога одной из форм осмысления и постулирования той единственности (индивидуальности) мира, которой разум не может найти в самом мире? И если человек замахнулся на единственность, справедливо усмотрев ее в единственности бессмертной жизни, то у него нет другого выбора, кроме как держаться за ту нить собственной души, которая связывает его с бессмертным началом жизни. Так, мне кажется, думал Толстой.

П.Ч. Совместимы ли расхождения между Толстым как писателем и Толстым как мыслителем? Или между ними имеется, по крайней мере, частичное совпадение? Если бы нам пришлось выбирать между ними, кого бы Вы предпочли и почему?

А.Г. Как Толстой-мыслитель связан с Толстым-художником – сложный вопрос, он остается предметом спора. Сам Толстой после произошедшего с ним в 50-летнем возрасте духовного переворота, когда он, по его собствен-

ному признанию, стал подобен человеку, вышедшему из дома за чем-то, и вдруг вспомнившему, что он что-то забыл дома, и повернувшему назад, в результате чего все, что было справа, оказалось слева, а все, что было слева, оказалось справа, за небольшим исключением отрекся от своего литературного творчества, в том числе от принесших ему всемирную славу великих романов «Война и мир» и «Анна Каренина». Позднее Толстой видел ценность своего художественного творчества в том, что оно может стать для людей полезной приманкой для обращения к его учению.

В рассказах, повестях, романах Толстого первого периода можно найти те мысли, в том числе идеи непротивления, которые позднее стали содержанием его вероучения. Там они, как и в личной жизни Толстого, были фрагментами наряду с другими, в том числе прямо противоположными мыслями и жизненными позициями. Отрекаясь от этих произведений, Толстой отрекался от ценностных основ, общего смысла утверждаемого в них образа жизни, точно так же, как он отрекся от всего того (жажды славы, богатства, успеха в обществе, подвигов самоутверждения и т. п.), чем он сам жил раньше. И в том, и в другом он был последователен. Тем не менее первый (назовем его условно мирским, языческим) период творчества и жизни Толстого был необходимым для второго (духовного, богоугодного) периода, он был необходимым хотя бы в том отношении, что второй период, сам духовный переворот, мог наступить только в результате отрицания первого и без него был бы невозможен. В «Войне и мире» Толстой, по его признанию, рассматривал народную идею, в «Анне Карениной» – семейную идею. Он в художественной форме исследовал вопрос о том, может ли человек обрести смысл в жизни ради народа и ради семьи. Он пришел к отрицательному выводу, запечатленному и в истории семьи Ростовых, и в судьбе Анны. Без этого был бы невозможен шаг, который стал основой происшедшего с ним переворота и привел его к убеждению, что смысл жизни заключается в служении Богу. Такой же логикой связаны два периода жизни самого Толстого. Странные остановки жизни, которые привели его на грань самоубийства, приобрели характер наваждения тогда, когда у Толстого было все, что входит в понятие земного счастья, – и отличное здоровье, и счастливая семья, и богатство, и огромное признание в обществе, и влияние, и всемирная слава, словом все, о чем, как говорится, можно только мечтать. И именно потому, что сознание бессмысленности брэнной жизни им овладело несмотря на все это, Толстой повернул в другую сторону.

Писатель Толстой известен миру. А мыслитель Толстой еще не открыт. Как писатель он находится в родственном окружении других русских и нерусских писателей. Как мыслитель он одинок. Его интеллектуальные достижения, на мой взгляд, значительно выше, чем художественные. Когда они будут поняты в их подлинной глубине, тогда, может быть, и отпадет сопоставление и противопоставление его литературных произведений и его учения, тогда станет ясно, что первые являются необходимым шагом ко второму, подобно тому, как ползание на четвереньках является начальным этапом для того, чтобы ходить на двух ногах.

П.Ч. *Каковы Ваши самые серьезные возражения Толстому-мыслителю? Что более всего Вас привлекает в его учении? В чем заключается наследие Толстого как мыслителя? Что мы должны чтить в нем? Должны ли мы вообще чтить его как мыслителя?*

А.Г. У меня не поворачивается язык возражать Толстому, делать критические замечания в его адрес. Мне трудно делать это даже в отношении, например, таких чистых теоретиков, как Юм или Кант, а о Толстом, кото-

рый не только промыслил, до конца продумал, но и выстрадал свое учение, и говорить нечего. Единственное, что мне дается с трудом и смущает в нем, это употребление им терминов «Бог» и «религия». Но и в этом я стараюсь его понять: он, надо думать, не хотел отдавать эти понятия тем, кто дал им совершенно ложное толкование. Ведь не отказываться же нам, например, от понятия чести из-за того, что оно веками извращалось практикой так называемых благородных сословий?!

Когда мы говорим о Толстом-мыслителе, надо иметь в виду одно существенное обстоятельство. Он не является философом в превалирующем сегодня смысле данного понятия и не находится в том ряду, в котором «законодателями» являются Парменид, Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, Гегель, Владимир Соловьев, Рассел, Хайдеггер... Его ряд другой – Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Иисус, Магомет, Франциск Ассизский, Лютер, Торо... – те, кто несли своими учениями и своей деятельностью новое понимание жизни, те, кто, будучи мыслителями, были также учителями человечества. Я не могу себе представить такой систематизации философского знания, в которой нашлось бы законное место Толстому и которая была бы ущербной без его учения. И в то же время трудно представить такой компендиум религиозно-нравственных учений, который мог бы обойтись без Толстого. Толстой с юного возраста изучал философию, много и основательно занимался ею (особенно во второй период жизни), именной указатель его полного собрания сочинений содержит такое количество философских имен от Гераклита до Ницше и Эмерсона, которое не встретишь во многих трудах профессиональных философов. И в философии его по преимуществу интересовали моралисты, он, например, очень высоко ценил Эпиكتета, даже Спинозу, но, как уже говорил, не очень любил Аристотеля и Гегеля.

Основной упрек Толстого в адрес философии, в особенности современной ему профессорской философии, состоял в том, что она не придает должного значения вопросу, который является центральным для нее: «Что мне делать?». Сегодня этот упрек звучит еще более злободневно, чем во времена Толстого (чтобы убедиться в этом, достаточно, например, сопоставить толстовское представление о сознании с современными интерпретациями сознания на основе когнитивных наук). С этим вопросом, с пониманием его первостепенного места в жизни людей и в философии связано будущее Толстого как мыслителя и сына человеческого.

Список литературы

Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. 496 с.

Гусейнов А.А. Разумная вера Л.Н. Толстого // *Гусейнов А.А.* Философия – мысль и поступок. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 540–561.

Маковицкий Д.П. У Толстого 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 4: 1909–1910 (июль–декабрь). М.: Наука, 1979. 488 с. (Литературное наследство. Т. 90).

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 15. М.: ГИХЛ, 1955. 336 с.

The philosophical legacy of Leo Tolstoy

Abdusalam A. Guseynov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: guseinov@iphras.ru

Predrag Cicovacki

College of the Holy Cross. 1 College Str., Worcester, MA, 01610, USA; e-mail: pcicovac@holycross.edu

This article is devoted to the philosophical legacy of Leo Tolstoy and is written in the form of answers given by professor Abdusalam Guseynov to the questions put by professor Predrag Cicovacki (USA). It discusses the main philosophical influences experienced by Tolstoy and his special attitude towards the thinkers of the past. Tolstoy's distinctive style of thinking and his teaching owe their systematic character to the moral program of individually responsible acting, based on the ethics of nonresistance to evil by force. Special attention is given to Tolstoy's view of quietism and the difference between it and his own program of moral perfection. An assessment of Tolstoy's place in the intellectual tradition and the great urgency his philosophy of nonviolence has today conclude the dialogue.

Keywords: Leo Tolstoy, philosophy, faith, religion, nonviolence, Rousseau, Schopenhauer, quietism

References

Guseynov, A.A. *Velikie proroki i mysliteli. Nravstvennyye ucheniya ot Moiseya do nashikh dnei* [Great Prophets and Thinkers. The Moral Teachings from Moses to Our Times]. Moscow: Veche Publ., 2009. 496 pp. (In Russian)

Guseynov, A.A. "Razumnaya vera L.N. Tolstogo" [The Reasonable Faith of Lev Tolstoy], in: A.A. Guseynov, *Filosofiya – mysl' i postupok* [Philosophy as Thought and Act]. St.Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 2012, pp. 540–561. (In Russian)

Makovitskii, D.P. *UTolstogo 1904–1910: 'Yasnopolyanskies zapiski' D.P. Makovitskogo* [At Tolstoy's. 'Yasnaya Polyana notes' of D.P. Makovitskii], Vol. 4: 1904–1910. Moscow: Nauka Publ, 1979. 488 pp. (In Russian)

Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 15. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ, 1955. 336 pp. (In Russian)